

БОЛЬШАЯ ЛЮБОВЬ

**РОМАНЫ
МАРИИ ВОРОНОВОЙ**

**МАРИЯ
ВОРОНОВА**

— *роман* —

**АПЕЛЬСИНОВЫЙ
СОК**

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В75

Фоторабота на обложке *Е. Адарченко*
Художественное оформление серии *С. Власова*

Воронова, Мария Владимировна.
В75 Апельсиновый сок : роман / Мария Воронова. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 320 с. — (Большая любовь. Романы М. Вороновой).

ISBN 978-5-699-98716-0

Вероника Смысловская прекрасно выглядит, у нее престижная работа и многолетний роман с талантливым нейрохирургом. Но собственная жизнь кажется ей сплошной чередой потерь, ведь в юности она мечтала о другой профессии, о другой любви... Почему ее мечты никогда не сбываются? После переезда из Москвы в Петербург в жизни Вероники появляются новые люди. Среди них — Лука Ильич Громов. Судьба готовила ему блестящее музыкальное будущее. Почему же оно не состоялось? Может быть, просто есть люди, не созданные для счастья, и они оба, и Вероника, и Громов, принадлежат к их числу? Но жизнь всегда сложнее наших представлений о ней. И луч надежды может осветить ее в самый неожиданный момент, когда кажется, что все закономерности раскрыты и рассчитывать не на что...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Воронова М. В., 2017
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-699-98716-0

ГЛАВА 1

Я ненавижу апельсиновый сок!
Такая тоска берет от вида высокой глиняной кружки, которую каждое утро я наполняю до краев свежавыжатым соком. Кто сказал, что сок нужно пить из кружки? И что кружка должна быть высокой, узкой и обязательно глиняной? Неизвестно почему, но однажды я решила, что это важно. И вот уже много лет каждое утро меня ждет одно и то же: сок и черный кофе в микроскопической чашке, по форме напоминающей коньячный бокал. Кофе я тоже не люблю, просто так принято в хорошем обществе, к которому я себя причисляю.

Правильный завтрак — прелюдия дня, потом меня ждет такой же правильный обед и ни в коем случае не позднее шести вечера ужин. Еще меня ждет престижная и хорошо оплачиваемая работа, где приходится перебирать кипу бумаг, такую же неизменную и ложно-многозначительную, как кружка апельсинового сока. После службы по четным числам два часа в фитнес-клубе, а по нечетным — поход по магазинам,

уборка или отдых перед видеком. В выходные — приезд любовника или поездка в Питер к нему же. Но чертов сок настолько поработил меня, что и проснувшись утром в Диминой постели, я первым делом хватаюсь за соковыжималку.

«Так все и будет, пока ты не сдохнешь, — говорит мне кружка каждый раз, — я не покину тебя до глубокой старости, пока врачи не запретят тебе апельсины. Тогда я, так и быть, от тебя отстану, но, увы, будет слишком поздно что-то менять. В твоём ухоженном теле, которое ты так лелеешь, никогда не зародится новая жизнь. Это тело дивной красоты состарится и умрет, заботливо подпитываемое правильными продуктами, но ни один мужчина не будет вне себя от счастья, прижав тебя к своей груди. Ты — красивая, подтянутая, самостоятельная, доброжелательная, любящая и бог знает какая еще — оказалась никому не нужна...»

Я хочу разбить мерзкую кружку, швырнуть об стену, чтобы осколки разлетелись во все стороны, но что изменит этот отчаянный бунт? Даже если я никогда больше не возьму в рот ни капли сока, прекрасный принц не придет и не освободит меня из заточения. Куда бы я ни бежала, стены своей тюрьмы я возьму с собой. Тюрьмы, в которую я посадила себя много лет назад, думая, что она спасет меня от прежней Вероники. А теперь я думаю, что прежняя Вероника бы-

ла, может быть, вовсе не так отвратительна... Но она не вернется, даже если я этого очень захочу. Она не вернется.

Каждый раз, собираясь на фитнес, Вероника Смысловская гадала, встретит ли она Марьяшу. «Хоть бы сегодня пронесло», — мечтала она, укладывая в стильный рюкзачок спортивный костюм и принадлежности для душа. В министерстве она всегда выдерживала строгий деловой стиль, зато отводила душу в спортклубе, являясь туда в спортивно-мальчишеском облачении. Кроссовочки, короткие джинсики «от долгов бегать», красная куртка в талию и легкомысленный рюкзакишко помогли ей выглядеть совсем юной, и Вероника, пока шла на фитнес, собирала неплохой урожай заинтересованных взглядов мужчин всех возрастов. Иногда с ней пытались познакомиться молодые парни, что, разумеется, бодрило, но стоило в раздевалке появиться грузной фигуре Марьяши, облаченной в небесно-голубые джинсы со стразами и кофточку, непременно яркую и цветастую, как от хорошего настроения не оставалось и следа.

Марьяша между тем считала себя лучшей Вероникиной подружкой. Заведующая гинекологическим отделением одной из престижных московских больниц, она дружила со Смысловской не потому, что та служила в министерстве и мо-

гла быть Марьяше полезной, а по старой памяти: когда-то они работали вместе, потом много лет ничего не знали друг о друге, пока не встретились на научно-практической конференции.

Если бы не Марьяшин напор, Вероника свела бы общение к нулю, но тайфун остановить невозможно. Подруга принадлежала к той категории людей, которые ни секунды не могут усидеть на месте.

Вечно ей нужно было куда-то спешить: на распродажу, где можно купить дубленку почти даром, красить кухню у таинственного Ивана Ивановича, который был известен Марьяше только тем, что самостоятельно не мог с этим справиться... В сладкое субботнее утро Марьяша могла вломиться к Смысловской с требованием немедленно ехать на дачу дышать свежим воздухом. И Вероника покорно посещала распродажу, где убеждалась, что дубленки редкое дерьмо, хоть и даром, неумело красила стены и честно пыталась расслабиться в шезлонге в Марьяшином саду, в то время как хозяйка вскапывала грядки не хуже бульдозера. «Она же в гости меня пригласила, ни за что не буду грядки копать», — убеждала себя Вероника, однако вставала и принималась за работу.

Иногда ей казалось, что Марьяша нарочно опекает ее, наслаждаясь сознанием того, что у нее, толстой и некрасивой, жизнь сложилась в сто раз лучше, чем у эффектной Вероники. Вероника пы-

талась отвоевать у Марьяши роль старшей подружки, платила за нее в кафе на правах более состоятельной женщины, пеняла на отсутствие вкуса в одежде и доисторическое мелирование: красить волосы с помощью шапочки, когда весь мир давно перешел на фольгу, — варварство!

Но на Марьяшу эти шпильки, замаскированные под добрые советы, совершенно не действовали. Прослушав Вероникину лекцию о хорошем вкусе, она ехала на вещевой рынок, где безошибочно выбирала самую аляповатую тряпку. При виде ярких цветочных узоров Марьяша теряла способность здраво рассуждать.

Ей все равно, как она выглядит, понимала Вероника, в глазах мужа она всегда самая красивая. А деньги... Да, я гораздо богаче ее, но на все мои сбережения мне не купить Марьяшиного счастья.

Временами ей больно было смотреть на подругу. «Господи, почему?! — хотелось ей спросить. — Почему ты дал ей все то, о чем просила я? Почему отмерил ей счастья полной мерой, а со мной всегда поступал, как с ребенком, которого сажают за стол и спешно убирают все, к чему он потянется? Разве я недостойна счастья?

Эсфирь Давыдовна говорила, что счастье — это труд и смирение, но я трудилась никак не меньше Марьяши! И не мечтала о чем-то неисполнимом. Все, что мне нужно, — это счастливая семья».

Она понимала, что чувство, обуревающее ее, называется завистью, но ничего не могла с собой поделать. И от этого настроение портилось еще сильнее.

Как обычно, в зале Марьяша встала рядом с Вероникой. Она вяло отпрыгала разминку, а потом с видимым удовольствием устроилась на коврик и стала небрежно помахивать могучей ногой.

«Зачем ходить, если на занятии валяешь дурака?» — желчно подумала Вероника и, стиснув зубы, приступила к третьему подходу упражнения на ягодичные мышцы. Это было сложное упражнение, мало кто мог продержаться до третьего подхода, поэтому Вероника с чувством законной гордости поглядывала на поверженные тела. Она всегда доделывала упражнение до конца, как бы трудно ни было, но сейчас, глядя на ленивую Марьяшу, вдруг подумала: «К чему этот героизм?»

Подруга тем временем вытащила на свет божий мобильник, до этого надежно припрятанный между пышными грудями.

— Что? — громко спросила она, думая, что за музыкой ее никто не слышит. — Не будете ставить диагноз без старых стекол?.. Мало ли что было раньше, я хочу знать, что вы видите сейчас! Главное — есть рак или нет, в деталях потом разбираться будем... Я понимаю, что труд-

но! Но если что, поедете на комиссию по изучению неправильных гистологических диагнозов! С собой возьмете теплые вещи и сухарей на три дня. Я серьезно говорю, давайте уже заключение, мне с пациенткой делать что-то надо!

— Вот робкий патанатом нынче пошел! — пожаловалась она Веронике, хлопком закрывая мобильник. — Жметя, как девушка на выданье.

— Такая специфика! — От физического напряжения Вероника еле могла говорить. — У меня сестра гистолог, так они иногда всем моргом по десять раз стекла пересмотрят, пока к правильному заключению придут. Это даже при плановой гистологии, а об экспресс-биопсии я вообще молчу. А за границей, прежде чем ставить диагноз, стекла рассылают трем врачам и сравнивают три независимых заключения.

— Вот нашему бы так! Мало своих случаев, так еще за двумя другими докторами пересматривать. Глядишь, и хамить бы времени не нашлось.

Тут Марьяше снова позвонили, и она, забыв про фитнес, принялась выговаривать кому-то:

— Госпитализировать... Нет, в коридор не надо. Если нет мест в общих палатах, положите пока в отдельную... Ну и что, что проститутка? Работает ведь человек, а у нас всякий труд почетен... В отдельную, я сказала! Тоже еще, монашки нашлись, — рассердилась она и опять громко хлопнула телефоном. — Воинствующая добродетель.

— Марьяш, а зачем ты ходишь на занятия? — спросила Вероника, когда они втроем, вместе с Марьяшиным мужем, посещавшим тренажерный зал, расположились на крыльце клуба покурить. — Мне кажется, вовсе не ради фигуры.

«Посмотри же наконец, на какой жирной и рыхлой бабе ты женат!» — такой скрытый смысл содержала эта невинная фраза, но супруги его не разгадали.

Они переглянулись и хихикнули.

— У нас там дети шпильятся, — пояснила Марьяша.

— Что-что они делают?! — уставилась на нее Вероника.

— Дочку замуж выдали за курсанта, а у нас маленькая двушка, комнаты смежные. Вот и уходим вечерами из дому, пусть молодые побесятся. Сначала мы просто гуляли или в кино шли, а потом ты сказала, что ходишь на спорт, так я подумала: почему бы и нам не ходить?

— А вы зятя, может быть, и прописали? — замирающим голосом спросила Вероника.

— Ну да, а что делать? Мы пожили, пусть теперь дети поживут.

Этого Вероника уже совсем не могла вынести. Пробормотав, что очень спешит, она побежала ловить машину и даже не предложила подвезти супругов. Сердце разрывалось от зависти

теперь уже не к Марьяше, а к ее дочери. Ну за что ей такая мудрая и понимающая мать, за какие заслуги?

Вероника Смысловская мыла посуду после завтрака на Диминой коммунальной кухне. Соседи поглядывали косо — по какому праву она, посторонняя женщина, занимает раковину? — но делать замечания не осмеливались. Тощая Люба, впрочем, выражала негодование взглядом, пытаюсь генерировать волны презрения к Веронике, женщине без штампа в паспорте, остающейся ночевать у мужчины. Это было частью ритуала. Миллеру, ясное дело, ничего не стоило самому помыть посуду, которой после здорового завтрака было немного, но Веронике нужно было показать, что она вовсе не презирает скучный быт своего любовника.

Поразмыслив, она отправила расползшуюся губку в помойное ведро и взяла из шкафчика новую, не уверенная, что столь смелый поступок не вызовет у Димы раздражения. С ним никогда нельзя было чувствовать себя спокойно, и в то же время он был так тоскливо предсказуем... «Либо обидится, что я хозяйничаю, либо решит, что я так намекаю на его неаккуратность, и тоже обидится. С другой стороны, этим фрагментом дохлой кошки мыть тарелки невозможно, и если бы я оставила все как есть, он вполне

мог бы упрекнуть меня в нечистоплотности... Как с ним сложно. Как с ним сложно!!!»

Додумать эту горькую мысль ей помешали звонки в дверь. Она, никогда не жившая в коммунальных квартирах, не сосчитала их количество, но, увидев, что соседки как ни в чем не бывало продолжают заниматься своими делами, поняла, что гости пожаловали к Диме. Что ж, двенадцатый час, не так уж и рано.

Сама она уже много лет жила так, что в любой момент была готова предстать перед посторонними людьми и предъявить к осмотру свое жилище, но вот Миллер... Задача, пожалуй, сложнее, чем про губку для мытья посуды. Имеет ли она право открыть дверь, то есть решить за Диму, принимать ему гостей или нет? А вдруг он не хочет, чтобы его знакомые знали, что она ночует у него?..

— Вы собираетесь открывать или думаете, что здесь для вас есть специальные швейцары? — с невыразимым сарказмом спросила Люба, и Вероника, радуясь, что сложную проблему решили за нее, защелкала древними замками.

Она никогда не промышляла квартирными кражами, но даже ей было ясно, что замки давно следует поменять. Сам Миллер, и тот управлялся с ними с трудом, полностью концентрируясь, чтобы уловить момент, когда «штырек пошел».

Штырек пошел, и Вероника распахнула

дверь, на радостях даже не поинтересовавшись, кто пришел.

На пороге стоял Ян Колдунов с женой и ребенком — подростком мужского пола. Это немного смутило Веронику, знавшую, что подобных экземпляров в широком ассортименте колдуновских детей вроде бы нет... Или она, эгоистка несчастная, забыла?

— Приятный сюрприз! — сказала она, целуясь с супругами. — Проходите, сейчас сварю кофе.

— И дай что-нибудь пожрать! — Колдунов подтолкнул ребенка в коридор. — Мы сегодня проспали и не успели позавтракать.

— А куда вы спешили? Выходной же, — сказала Вероника, чтобы скрыть охватившую ее зависть. Колдунов так пылко посмотрел на свою Катю, что невозможно было не понять, отчего они проспали.

— Петьке рентген надо было сделать. Этот обормот челюсть сломал, представляешь?

— Как это он ухитрился? Упал?

— Ага. На чей-то кулак. И, кажется, не один раз. — Катя нежно посмотрела на ребенка, будто он получил не увечье в драке, а как минимум Нобелевскую премию по физике.

Колдунов приобнял мальчика, и тот широко улыбнулся, обнажив проволочную конструкцию, фиксирующую нижнюю челюсть по отношению к верхней.